

Игорь Андреевич Исаев

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва

kafedra-igp@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1183-082X>

Рождение властной сети: империя

<http://dx.doi.org/10.12775/SIT.2019.019>

Традиционно политико-правовой образ империи в европейском сознании ассоциируется с римскими и христианскими корнями европейской цивилизации. Правовые категории здесь легко соединялись с универсальными этическими ценностями: империи – это «мир и гарантии справедливости для всех народов», и очень скоро идея империи предстает уже в образе «глобального оркестра под управлением одного дирижера, как единая власть, которая сохраняет мир и производит великие этические истины». Но она наделена еще и достаточной принуждающей силой, чтобы вести «справедливые войны» против варваров и бунтовщиков. Поэтому с самого начала империя приводит в движение скрытую этико-политическую динамику, лежащую в самой сердцевине этого юридического понятия. Здесь соединяются сразу две семантические тенденции: представление о праве как о том, что утверждается вместе с созданием нового мирового порядка, как безграничное пространство, называемое цивилизацией; и представление о праве, включающим время, как нечто целое в пределы своего этического обоснования: прошлое и будущее помещаются в рамки собственно этического порядка. Истоки такого подхода уже содержались в утопиях «вечного мира»

и механизме правовых соглашений, заключенных в период с начала Возрождения и вплоть до Канта¹.

Образ империи виртуален, это – разветвленная сеть властных центров, произрастающих и по инерции тяготеющих к единому центру. И на траектории ее эволюционного процесса ясно прослеживается поступательное движение от «идеи правления» к «идее управления»; к идее «катехона», боевой заставы против вторжения демонических сил: здесь имперское строительство переходит к идее глобального выстраивания порядка, безграничной системы глобального управления.

Поиск системы, которая охватывала бы всю Землю, был последним типом внешнего политического существования, сохранившимся до конца XIX в.; но уже с последней трети этого века пошел встречный процесс подрыва традиционных корней системы европейского равновесия. С тем, чтобы придать системе уже мировой характер; романтизм в своем подчеркнутом чувстве тотальности и ощущении индивидуального исторического многообразия, тем самым подрывал заодно и корни математически-рационального мышления XVII и XVIII вв.: чаще стали говорить уже не об «идеях», а о «силах». Параллельно с этим возрастал и идеалистический государственно-правовой догматизм идеального и всеильного «гегелевского» государства. Все это вело к разрушению прежнего сбалансированного равновесия и нарастающему характеру «демонизации» в политике: возрастающее влияние масс только усиливало эту тенденцию.

И уже Ж. Боден предполагал, что со временем все малые государства будут вынуждены уступить свои права новым формам и образованиям, политическим формам, отличным от тех, что родились в XV в.: тогда же закончится время свободной суверенной государственности. «Государства как самостоятельного, пусть даже маленького властного образования [...] в качестве ведущего типа политического существования больше не будет. И уже в период с XV до XVII вв. фактически,

¹ См.: M. Khardt, A. Negri, *Imperiya*, Moskva 2004, s. 25–26.

а с 1800 г. «вследствие пагубных человеческих фантазий по поводу государственной власти», идейно, государство было поставлено вне общей морали и идейного контроля. XVII век «со своей математикой и своей волей к власти в сущности разрушил свою же идеологическую, объективную, душевно-духовную трансцендентность»².

На этом фоне идея империи определялась предположительным отсутствием границ, и ее владычество не знало пределов, это было утверждением настоящей пространственной всеобщности. В качестве порядка (но не способа) правления империя напрочь исключала историю, стремясь к вечности, тем самым являя собой правление вневременных рамок: империя как бы сама создавала тот мир, в котором она существовала.

Колоссальный механизм находился в постоянном поиске равновесия, каждая его составная часть как бы выражала сущность целого: ведь единство, рожденное из множества, в целом больше, чем сумма составляющих его частей. Налицо были все признаки настоящей машины, части которой согласованно (в противном случае – распад) движутся под воздействием невидимой силы. От номинального центра требуется его единовременное присутствие во всех частях системы, присутствие столь же номинальное, как и он сам.

Переход к империи порождался упадком суверенитета как формы политической технологии. Она не создавала территориального центра и не опиралась на жестко определенные границы: «это – децентрированный и детерриторизованный, т. е. лишенный центра и привязки к определенной территории, нависающий над всем аппарат управления, который постепенно включает все глобальные пространства в свои открытые и перманентно расширяющиеся границы». С помощью модулирования командных сетей империя управляет множеством иерархий и потоков³, т. е. целым технологическим комплексом.

² См.: А. Вебер, *Proshchaniye s prezhney istoriyey, Krizis yevropeyskoy kul'tury*, Sankt-Peterburg 1979, s. 418–428.

³ См.: М. Кхардт, А. Негри, *Imperiya*, s. 68.

В юридическом аспекте процесс формирования империи четко не определен, даже если он и конкретен. Сама империя рождается и существует как кризис: «Юридический процесс и имперская машина всегда проникнуты противоречиями и подвержены кризисам». Мир и порядок, которые империя провозглашает своими наивысшими ценностями, так никогда и не могут быть окончательно достигнуты, но тем не менее всегда выдвигаются в качестве главных ориентиров. Поэтому и процесс формирования империи «в его правовом аспекте имеет видимость и характер постоянного кризиса». Постоянное расширение пространства империи и ее стремление ко все более прочному контролю за всей ложностью и глубиной биополитической сферы и заставляет имперскую машину переходить от одного кризиса к другому. Она пытается привести их в соответствие со своими планами и использовать в своих целях, но мобильные в пространстве и изменчивые во времени новые элементы новых территорий усложняют эту задачу: «Любой мятеж, любое восстание, врывающееся в порядок имперской системы, вызывает потрясение у всей системы в целом. Институциональные рамки характеризуются доведенной до крайности случайностью и неустойчивостью, невозможностью предвидеть дальнейшую последовательность событий».

Чаще всего империя сама не создает искусственного разделения, а скорее признает уже существующими потенциальные различия, «приветствует их и управляет ими» в рамках общей экономики господства: «Тройственный императив империи суть инкорпорируй, дифференцируй, управляй». Постоянно нуждаясь во все новых ресурсах (сырьевых, человеческих, технических и т. п.), империя постоянно стремится к расширению своего пространства. Технические и промышленные революции, известные истории играли главную роль в этом процессе экспансии. Юридические трактовки фактов такого рода были направлены на их легитимизацию. Империализм и его политика приобретали вполне легальные формы.

Численное возрастание населения в империи кроме территориальных проблем способствует превращение коллектив-

ного суверена – народа – в новообразование – в «массу». Масса и «машина» – два великих фактора, которые в перспективе и создадут современное общество со всеми его проблемами: рост народонаселения требует более высокотехнического обслуживания общества... развитие техники, в свою очередь, способствует такому росту (правда, есть и другая сторона процесса – совершенствование военной техники часто приводит к сокращению численности населения). Массы и техника меняют сам характер суверенитета: прежде закрытые «монады» суверенных пространств начинают путем слияния и поглощения формировать единое имперское пространство, в котором модель иерархии и подчиненности, как принцип, уступает место сетевой форме соединения, где выявление единого центра представляется затруднительным.

Суверенитет как кризисная форма существования создавал постоянный конфликт между имманентными «силами желания и кооперации масс» и трансцендентной властью, стремящейся обуздать эти силы и навязать им свой порядок. Имперский же суверенитет организуется уже не вокруг единого конфликта, но посредством гибкой сети микроконфликтов. От Полибия до Монтескье и Гиббона общепризнанным считалось, что империя с момента своего зарождения уже подвержена упадку и разложению, кризис суверенитета эпохи модерна стал как бы нормой современности; имперский же суверенитет новой эпохи только «расцветает на преумножении противоречий и как бы стабилизируется своей же собственной нестабильностью»⁴.

Обе главные исторические формы универсальности – империя и Церковь – частично утратили свое системообразующее и глобалистическое предназначение в середине XVII в. («Вестфальский мир») и растворились в хаотическом государственном многообразии: «Множество государств – это уже не переходная стадия, это – сама необходимость истории, теперь полностью открытой и не противостоящей во времени

⁴ См.: М. Khardt, A. Negri, *Imperiya*, s. 70.

окончательному единству: открытое время, многомерное пространство – вот то, что на деле подразумевается в теории возрожденного государственного интереса»: старые формы универсальности, предлагаемые Европе со времен Римской империи и Средневековья, признали, что империя не является окончательным целевым предназначением всех государств, в форме которой, как полагали, сольются все государства, – все это уходило в прошлое⁵, Европа в своей основе стала множественной после 1648 г., и имперский суверенитет временно отступил.

Уже в эпоху Средневековья имперская доктрина определяла властный космос по схеме: «центр – всюду, а его окружность – нигде». Исторический процесс Нового времени по своей глубинной структуре оказался «тождествен попыткам европейского разума ориентироваться внутри этого неопределенного шашра»: шар представляет собой удерживаемое-удерживающее тело порядка, купол силы, который его исследователи, математики и философы, покрыли сеткой линий, сетью, «символом божественного кругозора и властвующей неизбежности, сплетающей воедино далекое и чуждое в соответствии со строгими, но труднодостижимыми законами»⁶.

Проблема глобального государства «всеобщего благоденствия» (а на этот титул как бы претендует любая историческая империя или универсальное государство, по Фуко) – это проблема сложного равновесия между политической властью, осуществляемой над юридически-политическими субъектами, и «пастырской» властью, распространяющейся на индивидов, «экономических субъектов интересов». Правитель империи – это «отец народов, пекущийся об общем социальном и экономическом благе своих подданных». Империя не только покоряет силой, она принимает в себя и под свое покровительство, укрывает своим правом и законом, как это делал

⁵ См.: М. Фуко, *Bezopasnost', Territoriya, Naseleniye*, Sankt-Peterburg 2008, s. 380.

⁶ См.: Р. Слотердаек, *Sfery Цзу*, Sankt-Peterburg 2007, s. 31, 67.

Рим: римское право и римские дороги сетью покрыли прежде варварское пространство, «творя благо для всего мира».

Имперский системоустанавливающий порядок формировался не только благодаря возможности аккумуляции и расширения до уровня глобальной системы, но и на основе способности к самораспространению через «биополитические сетевые структуры мирового сообщества», и здесь этот порядок определялся виртуальностью, динамизмом и функциональной незавершенностью. «Основополагающая норма легитимации будет корениться в глубинах машины, в сердце собственного производства», когда в режиме биовласти экономическое производство и политическое устройство стремятся ко все более полному совпадению⁷. Источник имперской нормативности появляется «как бог» из экономико-производственно-коммуникативной машины, этой глобальной биополитической машины.

Имперская форма – пожалуй, самая первая форма виртуальной государственной машины. Склонная к манифестации, она оперирует набором символов и лозунгов, говорящих кодов, которые и делают ее такой, какой она представляется. Целый набор техник обеспечивает ее функционирование, при этом сами оставаясь невидимыми. Человек включен в эту игру, и этим объясняется затянувшаяся ностальгия по империи, которую часто испытывают ее бывшие подданные уже после ее крушения: имперская сеть всегда воображаемая, поскольку в ее идеале границы отсутствуют вовсе. Подобно механическому колоссу она непрерывно движется к своей глобальной всемирной цели...

Мир империи сам становится только картиной, где объективизм и субъективизм идут рука об руку. И это – главное событие Нового времени по Хайдеггеру. Здесь количественное становится собственными качеством, и это «остаётся невидимой тенью, которая отбрасывается на все вещи вокруг нас, с тех пор как человека стал субъектом, а мир – картиной».

⁷ См.: М. Khardt, A. Negri, *Imperiya*, s. 68.

Человеческий субъективизм достигает в планетарном империализме технически организованного человека своего высочайшего пика, с которого «он опускается в плоскость организованного единообразия... Это единообразие и есть самый надежный инструмент полной, т. е. технической власти над Землей»⁸.

Но «правительствующая машина» особенно страшна не потому, что она может достичь автоматического управления человечеством: ее реальная опасность, считал Норберт Винер, состоит в том, что подобные машины хотя и безвредны сами по себе, могут быть использованы человеком или группой людей для усиления своего господства, а амбициозные политические лидеры могут «попытаться управлять своим народом посредством если не самих машин, а посредством политической техники, столь узкой и индифферентной к человеческим возможностям, как если бы эта техника действительно вырабатывалась механически». Господство машины предполагает наличие соответствующего общества, уже достигшего последней стадии возрастающей энтропии, где вероятность незначительна и статистические различия между правилами равны нулю. «К счастью, мы пока еще не пришли к такому состоянию», – заключает Н. Винер. Однако политическая механизация мира как огромный сверхчеловеческий аппарат, работающий на кибернетических принципах, уже сейчас вполне способен действовать, покоряя человечество, путем использования людей в качестве своих подвижных органов⁹.

Индустрия коммуникаций объединяет воображаемое и символическое внутри биополитической ткани, встраивая их в само ее функционирование: «Легитимация имперской машины рождается... из индустрии коммуникаций, т. е. путем преобразования нового способа производства в машину. Это субъект, который производит свой собственный образ власти. Это форма легитимации, которая основывается только на

⁸ См.: М. Khaydegger, *Vremya kartiny mira, Vremya i bytiye*, Sankt-Peterburg 2007, s. 58–59.

⁹ См.: N. Viner, *Tvoretz i budushcheye*, Moskva 2003, s. 210, 212.

себе самой». Машина сама себя легитимирует и воспроизводит. Она вырабатывает социальную ткань, сжимающую или редуцирующую любые противоречия. Она создает такие ситуации, что «прежде чем происходит принудительная нейтрализация различий, они уже оказываются поглощены бессодержательной игрой равновесий, которые сами себя порождают и регулируют».

«Имперская машина живет за счет создания контекста таких равновесий и редукции сложностей, притягая на реализацию проекта универсального гражданства», в связи с чем усиливает свое вмешательство во все звенья коммуникативного отношения, тем самым «разрушая историю и идентичность». Воспроизводя метанарративы, она усиливает свою власть вместе и «в совпадении производства посредством речи, лингвистического производства реальности и языка собственной легитимации», лежит ключ к пониманию действительности, юридической силы и легитимности имперского права¹⁰. Сегодня «государственная знать», по выражению Пьера Бурдьё, «предает государство», которое более не обеспечивает ей требуемые должности и прибыли. Она обращается к политической карьере, предпринимательству, консалтингу, переходит в общественные, частные или международные организации». Национальное государство более не является хозяином важнейших экономических решений, теряет свои прерогативы на локальном уровне, более не контролирует интерпретацию своих решений¹¹.

Социальный процесс (возрастание народонесения и в особенности его производительной части) и техническая революция (промышленная, транспортная), рост государственной бюрократии в XIX веке привели к появлению специальных отраслей права. Трудовое право и право социального обеспечения выросли на основе увеличения численности трудящегося населения. Развитие технологий и технических средств

¹⁰ См.: М. Khardt, A. Negri, *Imperiya*, s. 68.

¹¹ См.: М. Fuko, *Bezopasnost*, s. 186.

повлекли за собой появление хозяйственного, промышленного и т. п. права и законодательства. На этом фоне значительно возросла роль административного и «полицейского» права. Капитализм и торговый оборот, все более принимавшие глобальный характер, затронули даже наиболее консервативные формы производства и потребления – земледелие и землевладение.

Новое право стало заключать в самом себе внутренний конститутивный и институцирующий процесс. Все сети соглашений и ассоциаций, каналы опосредования и разрешения конфликтов, координация различий динамики государств были традиционно институцированы в рамках империи: именно поэтому сейчас «мы и переживаем первую фазу преобразования глобального фронтиза в открытое пространство уже нового имперского суверенитета» (М. Хардт, А. Негри)¹².

СОДЕРЖАНИЕ

Рождение властной сети: империя

Статья посвящена формированию властной сети в такой специфической форме государства как империя. В европейском сознании политико-правовой образ империи ассоциируется с римскими и христианскими корнями европейской цивилизации. Всеобщий мир и порядок, которые империя провозглашает своими высшими ценностями, не могут быть окончательно достигнуты, но тем не менее всегда выдвигаются в качестве главных ориентиров. Империя пытается привести их в соответствие со своими планами, использовать в своих целях, но мобильные в пространстве и изменчивые во времени новые элементы новых территорий усложняют эту задачу. Процесс формирования империи в правовом отношении происходит в условиях частых кризисов, что вынуждает искать наиболее эффективные механизмы власти и управления, развивать как существующие, так и новые отрасли права. Сами правовые нормы отражают конститутивный и институцирующий процесс, происходящий внутри государства. Формируется качественно иной имперский суверенитет.

¹² См.: М. Khardt, A. Negri, *Imperiya*, s. 174.

Ключевые слова: империя; цивилизация; сознание; право; власть; управление; суверенитет

SUMMARY

The Birth of the Power Network: Empire

The article is devoted to the formation of a power network in such a specific state form as an empire. In the European consciousness, the political and legal image of the empire is associated with the Roman and Christian roots of European civilization. Universal peace and order, which the empire proclaims its highest values, cannot be finally achieved, but nevertheless they are always put forward as the main guidelines. The empire is trying to bring them into line with its plans, to use it for their own purposes, but moving in space and changing in time, new elements of new territories complicate this task. The process of forming an empire legally takes place in the face of frequent crises, which forces us to search for the most effective mechanisms of power and management, to develop both existing and new branches of law. Legal norms reflect the constitutional and institutional process taking place within the state. A qualitatively different imperial sovereignty is being formed.

Keywords: empire; civilization; consciousness; law; power; management; sovereignty

BIBLIOGRAFIA

- Debre R., *Vvedeniye v mediologiyu*, Moskva 2000.
Fuko M., *Bezopasnost', Territoriya, Naseleniye*, Sankt-Peterburg 2008.
Khardt G., Negri A., *Imperiya*, Moskva 2004.
Khaydegger A., *Vremya kartiny mira, Vremya i bytiye*, Sankt-Peterburg 2007.
Sloterdayk P., *Sfery Ilyu*, Sankt-Peterburg 2007.
Veber A., *Proshchaniye s prezhney istoriyey, Krizis yevropeyskoy kul'tury*, Sankt-Peterburg 1979, s. 375–534.
Viner A., *Tvorets i budushcheye*, Moskva 2003.

